

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-4-660-669

УДК 821.161.1

Ценностный архетип «Дом» в автобиографической трилогии И. Шухова «Пресновские страницы»

В.П. Синячкин¹, А.С. Демченко²

¹Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

Республика Казахстан, 050040, Алма-Ата, пр-т аль-Фараби, 71

Статья посвящена реконструкции архетипа «Дом» на материале биографической трилогии И. Шухова «Пресновские страницы». Авторы приходят к выводу, что архетипы могут быть тождественны аксиологическим единицам, так как транслируют сведения о ценностных установках того или иного сообщества. Трилогию «Пресновские страницы» отличает мнемонический нарратив, которому характерна особая акцентуация смыслов. Авторы применяют сравнительный анализ и герменевтический комментарий, делая вывод о том, что архетип «Дом» является ключевым для творчества Шухова.

Ключевые слова: автобиографическая проза; архетип; реконструкция; Дом; русскоязычная проза Казахстана

Введение

Архетипы – универсальные представления о наиболее значимых в жизни коллектива реалиях, выработанные им эмпирически и получившие статус ретранслируемых в культуре в силу своей смысловой «исходности», первичности и повторяемости. Репертуар архетипов в мировой культуре ограничен, однако каждый из архетипов способен генерировать неограниченное количество сюжетных вариаций. Исторически архетип тесно связан с мифологическими воззрениями человечества. Мифологический комплекс культуры – материал, на основе которого архетипы удалось дифференцировать, классифицировать и впоследствии подвергнуть научному осмыслению. Архетипы выполняют ряд важных функций, в том числе кумулятивную, гносеологическую, транслятивную, аксиологическую, релятивную, регулятивную, экспективную

© Синячкин В.П., Демченко А.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ную, концептуальную. Литературные произведения, неомифы современности, предоставляют исследователю богатый архетипический материал. Художественное осмысление архетипа писателем способно отразить значимые для социума события и предвосхитить многие общественные тенденции.

Особое место в классификации архетипов занимает пространственный архетип «Дом», тесно связанный с общей геофилософской парадигмой и представлениями о своем круге. Дом правомерно рассматривать как пространственно-временной архетип. Именно время видоизменяет пространство, направляет человеческие судьбы, формирует отношение людей к действительности. Архетип «Дом» правомерно считать ценностным (аксиологическим) концептом. Ценность – это выработанная обществом оценка того или иного явления действительности, непосредственно влияющего на жизнь коллектива.

Несмотря на то, что архетипы как коды культуры универсальны, «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [1]. Действительно, архаические реликты культуры всегда содержательно наполнены опытом нации. Но что, если сама нация гетерогенна по этническому составу? Именно в этом отношении интересно произведение, выбранное нами для анализа: оно написано на перекрестке культур и позволяют панорамнее увидеть связи между «своим» и «чужим».

Г. Мусрепов в своих воспоминаниях о Шухове «Дорогой мой земляк и друг» пишет: «Лучше всего, пожалуй, характеризуют Шухова как писателя и человека его книги “Горькая линия”, “Пресновские страницы”. В них отразились неповторимые черты его дарования, его духовного мира» [2]. Произведения писателя читаются как единый текст о судьбе русского казачества в станицах Северного Казахстана [3]. С Пресновкой связана вся жизнь Шухова. Эта станица Петропавловского уезда Акмолинской области стала для него и отправной точкой в творческой деятельности, и местом постоянных возвращений. «Где бы ни был Шухов, он всегда помнил о своей родине. Иван Петрович из Пресновки уезжал, но никогда не порывал с ней надолго, не переставая себя чувствовать частью этой станицы, и часто вновь и вновь возвращался в родные места» [4]. Видимо, поэтому архетип «Дом» полнее всего проявлен именно в «Пресновских страницах».

«Всем, что во мне есть хорошего – в человеке и литераторе, обязан я моим неграмотным родителям, в первую очередь – моей матери», – утверждает писатель, младший из двенадцати детей семьи Шуховых [5]. Отец Шухова, Петр Семенович, был гуртоправом. Он изучил жизнь станиц и казахских аулов. «Любящий отец и великолепный рассказчик, он делился со своей семьей впечатлениями от поездок и часто рассказывал об обычаях и нравах, о людях и судьбах, обо всем, что видел и слышал» [4. С. 35]. Отец нередко брал мальчика с собой. Воспоминания о совместных поездках запечатлены в «Пресновских страницах». По мнению В. Петровой, «Шухов был интернационалистом не просто по убеждениям, он вырос в микроклимате истинно дружеских межна-

циональных русско-казахских связей. В книге много сцен не только станичной, но и аульной жизни, и автор, как и его герой, равно свободно чувствует себя в обеих национальных бытовых и психологических стихиях» [3. С. 34].

Прежде чем взяться за прозу, Шухов показал себя одаренным поэтом, однако стихосложение он использовал как «тренировку» на подступах к прозаическим формам [6]. Первому серьезному произведению – роману «Горькая линия» – высокую оценку дал М. Горький, указав на несомненную даровитость автора, его способность к объективной критике, творческую смелость [7]. Критики отмечают, что основные темы романов Шухова – это события кануна революции, которая обострила социальные противоречия. Кроме того, драматизм изображаемых писателем событий усилен тем фактом, что они сопряжены с межнациональной враждой. Сами казаки вынуждены играть при этом двойственную роль: с одной стороны, они «колонизаторы» и «жандармы степного края», с другой – «укорененные в местный быт жители, пахари» [6. С. 19].

Творчество Шухова целиком и полностью посвящено исторической судьбе сибирского казачества севера Казахстана. «В произведениях Шухова большое место отводится казачеству, его духовному складу, историческим судьбам. Став профессиональным, известным писателем, он очень много думал о казаках и их социальной природе. Много, пожалуй, самое главное понято уже в пору детства и отрочества, проведенных, как сказано уже, на Горькой линии», – пишет К. Курова [8].

Обсуждение

«Пресновские страницы», состоящие из трех частей («Колокол», «Трава в чистом поле», «Отмерцавшие марева»), принято относить к автобиографической прозе И. Шухова. Сквозь призму мнемонического нарратива автор повествует о собственном детстве в станице Пресновка, о жизни одностаничников, подчиненной размеренному чередованию календарных циклов земли, о судьбах членов большой семьи, каждый из которых передан Шуховым с особой живостью.

Исследователь автобиографической прозы Ф. Лежен называет главной ее темой «историю развития личности», трансформацию внешних фактов жизни в феномены жизни внутренней [9]. Автобиографический жанр соединяет два начала – документальность и фикциональность, когда события не фиксируются, но создаются заново. Помимо репрезентативного компонента они вбирают в себя компонент символический. Сама же структура повествования становится палимпсестной, и читатель погружается не столько в документальную прозу, сколько в реконструированный мир индивидуального художественного сознания, в его личностную мифологию и телеологию.

Этим положением мы и будем руководствоваться, приступая к анализу «Пресновских страниц». Трилогия открывается повестью «Колокол». Этому заглавию присуща множественность смыслов, поликодовость. В аспекте реалистического прочтения мы воспримем «колокол» как вещественный элемент

станичной жизни, но даже в этом случае символические коннотации указанного слова, наличествующий в нем архетипический компонент, будут требовать смысловой экспликации.

Мотив колокола красной нитью проходит через русскую литературу. «Зимняя дорога» А.С. Пушкина, «Когда колокола торжественно звучат» А. Григорьева, «Поэт» М.Ю. Лермонтова, «Дитя столицы» С.Я. Надсона, «Под напев молитв пасхальных» К. Феофанова раскрывают множественные смысловые оттенки данного концепта. Семантика концепта-артефакта «колокол» прочно связана с темами Родины, дома, жизни людей. В таком значении предстает он и в повести И. Шухова.

Маленькому герою повести всего четыре года, но он уже прочно связан с пресновской землей, знаком с ее календарными ритмами, ритуалами, с самой ее природой. «Убаюканный колыбельным ветром», мальчик знает, что у взрослых началась страда – тяжелая пора косьбы, жатвы, уборки хлеба. Первое воспоминание о колоколе – «грозный трубный звук» набата, возвещающего о страшном бедствии. За полтора часа пожар уничтожил вековую станицу, и колокол «выл, как попавший в беду человек». Церковь (архетипический сакральный центр), пожарная каланча, начальная школа и несколько домов и складов уцелели во время пожара, но все остальное было уничтожено. Показательны вещи, спасенные из горящего дома Шуховых. Сундук – хранитель семейного добра, памяти, преемственности поколений. В нем положено хранить самое ценное; в данном случае – одежду к церковным праздникам, что говорит о заповедных обычаях и семье, и всей Пресновской станицы. Медный самовар – метонимический символ очага, объединения семьи за общим столом. Прялка – элемент священного женского ремесла, также связанного с домом и его убранством. Гармонь актуализирует идею соборности, праздника, «поющей души». Это главный музыкальный инструмент казака, его голос. Кухонная утварь связана с пищевым кодом, который, в свою очередь, взаимодействует с архетипическими представлениями о доме.

Второй раз колокол ударяет к вечерне. Это в воспоминаниях маленького героя был уже «совсем другой колокол» («Какой-то другой струной, другой гранью задевал теперь мою посветлевшую, кротко притихшую душу этот непорочный, скорбный и миротворный звук... То звонили к вечерне»).

Третий раз колокол берет на себя функцию спасителя, разгоняя в ночи «рев пурги» и выводя из степи заплутавших в метели путников.

Колокол наделен силой изгонять нечистое, злое, о чем рассказывают Ивану Тронька и Пашка. Преображается колокол в праздники, становясь благовестом. Трансформативный потенциал этого образа широк, сам он изоморфен эмоциональному состоянию маленького героя. В отличие от большинства образов, обладающих ограниченной символическостью, образ колокола наделен множественной символическостью. Среди всех кодов, присутствующих в повести, концепт-символ «колокол» стягивает в своей семантике все значения, связанные с архетипикой дома – это сакральный центр станицы, Голос Божий, Хранитель, Спаситель и Благоустроитель станичной жизни, Оберег от всякого зла, Наставник и Помощник каждому из станичников.

В «Пресновских страницах» художественно представлены новые способы коммуникации между двумя мирами – кочевым и станичным. Если в «Горькой линии» Шухов изобразил конфронтацию, болезненное и точечное приятие друг другом двух этносов, то в своих детских воспоминаниях он воссоздает другой временной срез. К тому времени станице Пресновка уже сто лет, и между «Азией» и «Россией» устанавливается торговля. Пресновке отведена роль «перевалочного пункта», точки объединения двух пространств.

Дом Шуховых, вновь обжитый, имеет свою морфологию, которую последовательно воспроизводит память маленького Ивана. В отстроенном заново «пятистеннике» есть «опрятная кухня» с печью – «государыней дома», есть «нарядная горница» и комнаты-спальни. Дому присущ собственный запах: он пахнет «свежей известью», «березовой лучиной», «лампадным маслом», «восковыми свечами», «пшеничными калачиками», «ванильной сдобной стряпней». Это многослойный перцептивный код архетипа, его обонятельный уровень. Особое место за столом занимает тюрка – калачик, заваренный с солью в крутом кипятке. Кушанье принято есть из одного горшка, поэтому за ним закреплена символика семейного единства. Атрибутика дома расширяется, метафорическая концентрированность образов усиливается. Так, «позолотевший» и «помолодевший» в честь праздников самовар становится хозяином накрытого стола, а в самой метафоре амплифицируется его скрытое сравнение с человеком – хозяином дома.

Вещный мир не затеняет в повестях мира духовного. Так, мать, которая для маленького Ивана и есть воплощение дома, вспоминается ему коленапреклоненной, молящейся у киота за братьев, попавших в пургу. У дома есть свои соседи, и не все они – казаки-станичники. Среди них есть и казахи Рыста и Шигарай. Рыста – «ворожея», похожая на «Бабу-ягу» (элементы мифологического мировосприятия мира ребенком), Шигарай – «обрусевший краснобай», Дильда и Гильда, их дочери, «степные девчонки» в лисьих шапочках. Расширяется семантическое поле «своего круга».

Вся Пресновка, окружающие ее пашни и степи в сознании маленького героя вмещаются в единый образ – «чисто поле», где сам он – былинка, «малая травка на ветру». «Чисто поле» – концепт русской картины мира, но в трилогии Шухова это концепт инклюзивный: он включает в себя и станицу, и ее окрестности, и всю беспредельную степь, которую мальчик ощущает «своей».

С самого начала жизни мальчик чувствует тесную связь с пресновской землей, ее природой, пейзажами, календарными ритмами. Важный в жизни каждого человека этап – инициация, переход в новое, более зрелое состояние личности – также связан с землей, с пахотными работами. По достижении семи лет Иван становится бороноволком, то есть может бороться с землей наряду со старшими братьями. Это факт приобщения младшего к своему кругу, более широкому, чем семья: теперь это круг всей станичной общины, живущей едиными законами, порядками, обычаями. Тема соборности, коллективности в повестях очень значима.

Сам архетип «Дом» в «Пресновских страницах» организован центрически. Это множество кругов, расходящихся вширь. Ядро дома – это семья, в первую

очередь мать. Мать – «добрый гений места»; благодаря ей дом пахнет опрятностью и сдобой, к ней «стекаются станичные гости», каждого из которых она умеет «приветить». Отец, старшие братья и сестры, многочисленные соседи и гости заполняют пространство дома. Без людей он «осиротевший и пустой».

Второй круг архетипа – освоенная территория, сюжетно организованная вокруг пашни, колодца, дернового сарая, церкви, ярмарочной площади. Как видим, это места труда, религиозного служения, праздника и торговли.

Третий круг – образ степи, который также многослоен. Степь делится для рассказчика на «свою, сокровенную» и кочевническую. Но если в «Горькой линии» преобладают мотивы ксенофобии, то в «Пресновских страницах» доминирует ксенофилия. Мир «чужого» герою интересен, притягателен, самобытен: «Я впервые увидел кочевнический аул, и мне пришлось по душе привольная летняя жизнь исконных наших станичных соседей – мирных степных кочевников. Все, решительно все было здесь внове для меня. Все – неожиданно. Яркое. Броское. Необыкновенно. Непривычно. Диковато. Полузагадочно» [10].

Новое для мальчика жилище, юрта, ошеломляет его. Шухов приводит детальное описание внутреннего убранства юрты, затрагивая и знакомство героя с некоторыми из степных обычаев. Казахи представлены в этом эпизоде яркими, гостеприимными, щедрыми. Их этнический портрет более всего соответствует романтическому экзотизму, характерному для раннего Пушкина, чем классическому соцреализму. «Иной» здесь не враг, а представитель другого культурно-языкового мира, и эти миры сосуществуют на равных: «Внутреннее убранство юрты Торсана огорошило, ошеломило меня – с ходу, с порогу. Да что там – ошеломило! Привело в трепет невиданной и неслыханной мной доселе сказочной роскошью. Каким-то неправдоподобным, праздничным великолепием. Неистовым буйством красок. Нарядными, окованными, сверкающими самоварной медью сундуками. Многоцветными слоями стеганых шелковых одеял на железной кровати с ослепительными никелированными спинками и набалдашниками. Букетами бархатных, расшитых золотыми или серебряными позументами мужских чапанов и женских камзолов. Пышными и яркими – как полные цветов и трав июльские лесные поляны – коврами, украшавшими круглые стены этого, казалось, невесомого, воздушного жилища» [10].

Многое в тексте свидетельствует о сокращении дистанции между казаками и казахами. Об этом сигнализируют не только тональность отрывка и его стилистика, но и отдельные слова-маркеры, в частности вокативы. Одним из наиболее распространенных является фатический элемент «тамыр». В тюркских языках у слова «тамыр» несколько значений. Прямое значение – корень (растения), переносное – друг, объединенный с номинантом по признаку духовного родства, «одного корня». Тамыром называет отец Ивана своих степных друзей, тамыром называют его и они.

В повествовании Шухова кристаллизуется еще один важный концепт – обоюдность. Герой рассказывает старшему брату о чувстве обоюдности, ко-

торое возникает у него по отношению к степи, к коню Игреньке, к людям. В основе эмоционально-психического концепта «обоюдность» лежат такие реакции, как приятие, способность чувствовать другого, двунаправленность эмоционального сигнала, когда общающиеся между собой люди (и все одухотворенные формы бытия, будь то животное или антропоморфная природа), «идут навстречу друг другу». Мотив обоюдности звучит в описании добрососедства между станичниками и аульчанами.

Наряду с сюжетными мотивами в произведении Шухова большую роль играет символический план. В семантическое поле дома входит символический пласт, включающий образы с повышенным иносказательным потенциалом. Это образы – символы коня, птицы, балалайки. Все перечисленные образы соотнесены с реальным вещным миром «вокруг» главного героя, но в повестях они приобретают дополнительные значения, обобщаются до уровня символов. Конь Игренька редкой игреневогой породы, непокорный и вольный, олицетворяет стремление героя к свободе, жизненному простору. Все перечисленные мотивы связаны с обрядом инициации, физиологическим и социальным взрослением члена общины. Неслучайно взрослеющий герой мыслит архетипическими образами. Будущий уход героя из родного дома, его поэтическую судьбу раскрывает пролептический образ балалайки. Народный инструмент, подаренный Ивану отцом, генерирует множественные реакции, возвещающие о будущем героя: мать предчувствует жизнь сына, полную скитаний; соседка Платониha предсказывает ему «талан» и сопряженные с ним тяготы; старожил дядя Егор нарекает мальчика «Ухарем». Все отмеченные нами мотивы объединены темой детства.

Заключение

В творчестве И. Шухова архетипу «Дом» отведено особое место. Его произведения ориентированы на максимальную достоверность изображаемого, реалистичны. «Скорее всего, автор отдавал себе отчет в том, что является одним из тех, кто последним видит своими глазами исчезающий навсегда тысячелетний уклад жизни... Он впервые в литературе, не только русской, но и казахской, попытался показать, что процесс преобразования коснулся не только русских, но и казахов, проживающих в бескрайних землях Северного Казахстана» [93. С. 96].

Архетип «Дом» реконструируется в исследованных нами текстах максимально изоморфно, когда соответствие формы замыслу реализовано автором в полной мере: жилища «изоморфны» проживающим в них людям; коды репрезентации жилищ «эквивалентны» этим жилищам; сохранена традиция психологического параллелизма; человек и природа даны в художественном единстве. Такая последовательная, изоморфная структура реконструкции архетипа «Дом» свойственна не всей казахстанской литературе. Шухов – приверженец классической литературной традиции. Как отмечают Э.Т. Какильбаева и Б.У. Джолдасбекова, автор использует традиционные сюжетные приемы,

благодаря которым архетип воспроизведен в тексте полнообъемно и «вещно» [85. С. 58].

Лейтмотивом в произведениях Шухова становится мотив обретения дома, который реализуется через комплекс поддерживающих мотивов: утрата дома; скитальничество, бездомье, сиротство; освоение нового дома, вражда с Чужим (немирье между казаками и казахами); сосуществование с Чужим (налаживание контактов, дружба между представителями обоих этносов); обоюдность с Чужим, приятие его, обретение Дома.

Список литературы

- [1] *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- [2] *Мусрепов Г.* Черты эпохи. Дорогой мой земляк и друг. URL: <http://bibliotekar.kz/cherty-urophi-gabit-musrepov> (дата обращения: 23.09.2019).
- [3] *Петрова В.* Прочитаем Шухова заново // Проспект СК. 2006, 7 июля. С. 34.
- [4] *Хомяков В.* Сибирская Ипокрена: литературные портреты омских писателей. Омск: Изд-во Омского государственного ун-та, 2003. 318 с.
- [5] Русская литература XX века: поэты, прозаики, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. Т. 3. / под ред. Н.Н. Скагова. М.: Олма-Пресс Инвест, 2005. 830 с.
- [6] *Устинов А.* Художник шолоховской школы // Шухов И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата: Жазушы, 1981. С. 19.
- [7] *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. М.: Художественная литература, 1955. 339 с.
- [8] *Курова К.С.* Иван Шухов: очерк творчества. 2-е изд., перераб. и доп. Алма-Ата, 1981. 304 с.
- [9] *Лежен Ф.* В защиту автобиографии // Иностранная литература. 2000. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen.html> (дата обращения: 01.11.2019).
- [10] *Шухов И.* Пресновские страницы. URL: http://www.danilov.lg.ua/author/14835/ebook/64380/shuhov_ivan/kolokol/read (дата обращения: 01.11.2019).
- [11] *Джолдасбекова Б.У.* Проза русских писателей Казахстана. Алма-Ата: Казак университеті, 2015. 118 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 сентября 2019

Дата принятия к печати: 10 октября 2019

Для цитирования:

Синячкин В.П., Демченко А.С. Ценностный архетип «Дом» в автобиографической трилогии И. Шухова «Пресновские страницы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 660–669. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-660-669>

Сведения об авторах:

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов. E-mail: word@list.ru

Демченко Алена Сергеевна, PhD в области русского языка и литературы, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. E-mail: alenchika@mail.ru

Research article

Axiological archetype “Home” in I. Shukhov autobiographic trilogy “Presnov Pages”

Vladimir P. Sinyachkin¹, Alyona S. Demchenko²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan

The article is devoted to the reconstruction of the archetype “Home” based on the material of the biographical trilogy by I. Shukhov “Presnov Pages”. The authors conclude that archetypes can be identical to axiological units, as they transmit information about the value attitudes of a community. The “Presnov Pages” trilogy is distinguished by a mnemonic narrative, which is characterized by a special accentuation of meanings. The authors use comparative analysis and hermeneutic commentary, concluding that the archetype “Home” is key to Shukhov’s work.

Keywords: autobiographical prose; archetype; reconstruction; Home; Russian-language prose of Kazakhstan

References

- [1] Krasnyh V.V. *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija*. Moscow: Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russ.)
- [2] Musrepov G. *Cherty jepohi. Dorogoj moj zemljak i drug*. <http://bibliotekar.kz/cherty-yepohi-gabit-musrepov> (accessed: 23.09.2019).
- [3] Petrova V. Prochitaem Shuhova zanovo // *Prospekt SK*. 2006, 7 July. P. 34. (In Russ.)
- [4] Homjakov V. *Sibirskaja Ipokrena: literaturnye portrety omskih pisatelej*. Omsk: Omsk State University Publ., 2003. 318 p. (In Russ.)
- [5] *Russkaja literatura XX veka: pojety, prozaiki, dramaturgi: bibliograficheskij slovar'*: in 3 vols. Vol. 3 / pod red. N.N. Skatova. Moscow: Olma-Press Invest, 2005. 830 p. (In Russ.)
- [6] Ustinov A. Hudozhnik sholohovskoj shkoly // Shuhov I. *Sobranie sochinenij*: in 5 vols. Vol. 1. Almaty: Zhazushy Publ., 1981. P. 19. (In Russ.)
- [7] Gor'kij M. *Sobranie sochinenij*: v 30 t. Vol. 30. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ., 1955. 339 p. (In Russ.)
- [8] Kurova K.S. *Ivan Shuhov: ocherk tvorchestva*. 2nd ed. Almaty, 1981. 304 p. (In Russ.)
- [9] Lezhen F.V. V zashhitu avtobiografii // *Inostrannaja literature*. 2000. No. 4. <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/4/lezhen.html> (accessed: 01.11.2019).
- [10] Shuhov I. *Presnovskie stranicy*. http://www.danilov.lg.ua/author/14835/ebook/64380/shuhov_ivan/kolokol/read (accessed: 01.11.2019).

- [11] Dzholdasbekova B.U. Proza russkih pisatelej Kazahstana. Almaty: Kazak universiteti Publ., 2015. 118 p. (In Russ.)

Article history:

Received: 24 September 2019

Revised: 30 September 2019

Accepted: 10 October 2019

For citation:

Sinyachkin V.P., Demchenko A.S. (2019). Axiological archetype “Home” in I. Shukhov autobiographic trilogy “Presnov Pages”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 660–669. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-660-669>

Bio notes:

Vladimir P. Sinyachkin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: word@list.ru

Alyona S. Demchenko, PhD in Russian Language and Literature, Senior Lecturer of Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. E-mail: alenchika@mail.ru